

УДК 394.91

Антошин А.В.

Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.)

The culture of Russian diaspora in USA (1960 – 1980)

Статья посвящена проблеме истории культуры российской диаспоры. В 1960-1980-е гг. США являлись одним из наиболее важных центров Российского зарубежья. В США в эту эпоху жило немало известных писателей, художников, интеллектуалов. Они внесли большой вклад в историю культуры российской эмиграции.

Ключевые слова: *российская эмиграция в США, культура, период холодной войны*

This article is devoted to the problem of cultural history of Russian diaspora. In 1960 – 1980 the USA were one of the most important centers of Russian zarubejje. There were well-known writers, painters and intellectuals in the USA this epoch. They had made great contribution to the history of Russian emigrant's culture.

Key words: *Russian emigration in the USA, culture, period of Cold War*

1960-е – 1980-е гг. – один из интереснейших и наиболее противоречивых периодов в истории культуры Русского зарубежья. Во многом это была переходная, переломная эпоха. С одной стороны, во Франции, США и некоторых других центрах «Русского мира» постепенно заканчивали свою творческую деятельность, доживали свой век те люди, которые внесли вклад в историю культуры Русского Парижа эпохи его расцвета. С другой – третьей волной эмиграции из Советского Союза были вынесены в «Русский мир» Европы и за океан такие яркие личности, как писатели А. Солженицын, В. Аксёнов, В. Войнович, Г. Владимов, с. Довлатов, В. Максимов и др., поэты И. Бродский, А. Галич и др., скульптор Э. Неизвестный, виолончелист М. Ростропович и др. Они оказали существенное влияние на культурный облик российской диаспоры этой эпо-

АНТОШИН Алексей Валерьевич, к.и.н., доцент Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург). **E-mail:** alex_antoshin@mail.ru

Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по гос.контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009 – 1.1 – 301 – 072 – 017».

хи, способствовали его некоторой трансформации по сравнению с предшествующим периодом.

В США особую роль продолжал играть нью-йоркский «Новый журнал», издававшийся с 1942 г. На его страницах публиковались стихи Н. Моршена, В. Вейдле, И. Чиннова, Ю. Иваска, Г. Глинки, А. Величковского, И. Елагина, Л. Алексеевой, О. Ильинского, Ю. Терапиано, В. Злобина, К. Померанцева, А. Раннита, Н. Юрловой, Д. Кленовского, Я. Бергера, Г. Адамовича, В. Перелешина, Н. Туроверова, И. Одоевцевой и др., проза В. Шаламова, Г. Газданова и др., литературная критика С. Карлинского, Н. Берберовой, Р. Плетнёва, Л. Ржевского, Ю. Мамлеева и др.

Значительную роль в эти годы в литературе российской диаспоры в США играли поэты и прозаики, принадлежавшие ко второй волне эмиграции из СССР. Некоторые из литераторов этой волны, чьё творчество формировалось в исключительно напряжённой атмосфере военных и первых послевоенных лет, и в 1960-1970-е гг. продолжали затрагивать в своих произведениях проблему места и роли поэта в современном обществе. Пожалуй, наиболее ярко об этом писал И. Елагин в «Истории стихотворца»:

«С веком рассорясь,
Жил стихотворец.
Он напевал –
А его наповал.

Он теперь, как прочие,
Ждёт, занявши очередь:
Из могилы выруют,
Реабилитируют» [5].

Как известно, именно в излишней политизированности нередко обвиняли поэтов «второй волны» литературные критики. Реагируя на эти обвинения сторонников «искусства для искусства», критиковавших его гражданскую поэзию, тот же И. Елагин ещё раз подчёркивал свою позицию в стихотворении, которое так и называлось – «Ответ»:

«Насмешливый голос
По телефонному
Проводу.

И всё по тому же
Неугомонному
Поводу.

– Стих сочиняете?
Стали поэтом горластым.
Стихи начинаете

Всяким ненужным балластом...
Хрипи – не хрипи
А чем дальше – тем хуже и хуже.

Поэзия – то, что внутри,
А не то, что снаружи!
– Мой враг телефонный!

Я всё это слышал частенько.
Хотите, чтоб я умилённо
И тенькал, и тренькал?

... Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,

Побоищ и сборищ!
Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!

Меня не отторгнешь
От времени. Силой не вырвешь!
... Лечу вышиною

Стремительно, гибельно, круто –
И стих для меня – вытяжное
Кольцо парашюта» [8].

Впрочем, свою мировоззренческую позицию поэты «второй волны» выражали и по-другому. Некоторые из них, напротив, полагали, что собственным творчеством они должны демонстрировать своё принципиально негативное отношение к различным идеологиям, которые стали духовной основой для формирования в XX веке тоталитарных режимов. Очень ярко об этом написал Н. Моршен в стихотворении «Цветок»:

«Чтоб звёздочкой лучистойю
Подняться над травой
Подпёрся он плечистойю
Системой корневой.

И нежен только с виду он,
А так – шершав и груб.
Не даст себя в обиду он,
Колючий себялюб...

Как гений самомнения
Стоит он перед нами,
И не идёт в сравнение
Он с нашими отцами.

Отцы питались – измами,
Идеями своими,
И жертвовали жизнями
«За дело» и «Во имя».

Стремилась к бескорыстию
И брезговали славой,
И шли, душою чистые
На бой святой и правый...

Они рукою дерзкою
Историю творили
И нас в такую мерзкую
Историю втравили.

Бог знает, сколько радостей
 Приносит эгоизм,
 Чёрт знает, сколько горестей
 Наделал альтруизм» [7].

Тот же Н. Моршен в одном из своих произведений показывал и то, что большинство проживавших в США поэтов «второй волны» были слабо интегрированы в американскую культуру, оставаясь в рамках русской литературной традиции с её языком и образами:

«Я свободен, как бродяга,
 И шатаюсь налегке
 Там, где раньше Миннегага
 Проплывала в челноке.

Где с естественною силой
 В каждом камне и листке
 С ней природа говорила
 На индейском языке.

Та эпоха отгорела
 Облетела, как цветок,
 И теперь иное дело,
 Пришлый лад и новый слог.

Шпорник, заячья капуста,
 Мята, дикий виноград,
 Выражая свои чувства,
 По-английски говорят.

Речи саксов, честной, краткой,
 Не чуждается мой слух,
 Но к наитьям и отгадкам
 Я – увы – в ней тугоух.

Мне родной язык роднее
 Восхитительнее всех,
 Мил мне в нём и стук спондея,
 И пиррихия разбег...» [6].

В описываемый период в США проводились разнообразные мероприятия, направленные на пропаганду русского культурного наследия. Большую работу в этом направлении, бесспорно, проводили Русский Центр и Музей русской культуры в Сан-Франциско. Впрочем, и они испытывали немалые трудности организационного и финансового характера. Так, в 1970 г. секретарь Музея А.М. Найдёнов писал О.П. Шидловскому: «Музей наш, хотя и самостоятельная организация, но тесно связана с организацией Русского Центра ... Год назад начался резкий кризис... Дошло дело до решения продать здание, а это значит развалить всю организацию. Но весной было выбрано новое правление Русского Центра ... Б.И. Вертлугин стал объединять и призывать к поддержке Русского Центра. Произошло чудо. Здание, годами запущенное, было отремонтировано. Артисты организовали для Русского Центра концерт 28 июня, который дал 6 тысяч долларов и на котором в антракте люди выходили на сцену и давали свои чеки. И сейчас этот подъём продолжается» [ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.]

Несмотря на все трудности, русские эмигранты в США осуществля-

ли многочисленные акции историко-культурного плана. Так, например, Американско-Русский институт славяноведения в Нью-Йорке устраивал 21 февраля 1971 г. юбилейное собрание по случаю 150-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. В программе значились: Вступительное слово – протопресвитер о. Георгий Граббе; доклады: «Аполлон Григорьев и Достоевский» – В.С. Крунич, профессор Виллановского университета; «Мальчик у Христа на ёлке» – Клеопатра Болотина; «Драматизация произведений Достоевского» – Н.А. Натова, профессор Университета Джорджа Вашингтона. На вечере было устроено и чтение отрывка из романа «Игрок», драматизированного Клеопатрой Болотиной. В постановке участвовали М. Волин, А. Микешина, с. Караваев, К. Болотина. Программа вечера была составлена под руководством профессора Института В.Н. Литвиновича [15]. Такие мероприятия в Американско-Русском институте славяноведения проводились регулярно. В качестве примера можно привести собрание в октябре 1972 г., посвящённое теме «Зарубежная поэзия – антитеза советской поэзии». Среди участников собрания значились артисты В. Апошанский и К. Боголюбов, поэты Н. Белавина, М. Волин, Т. Иванс-Бернацкая [19].

Большую работу проводил в Нью-Йорке и Свято-Серафимовский фонд. Так, например, 8 февраля 1970 г. в его зале был проведён вечер, посвящённый русской сказке в поэзии и литературе. На нём Т. Иванс прочитала доклад об историческом развитии русской сказки и её значении для русского народа. После этого 10-летняя Т. Волкова декламировала «У лукоморья дуб зелёный...», а певица Е. Марковская исполнила песню Леля из оперы «Снегурочка» [11]. Такие мероприятия эта структура проводила регулярно. Только в январе-феврале 1971 г. Свято-Серафимовским фондом были устроены лекции профессора Л.Д. Ржевского «Тема жалости у Достоевского», профессора Ю.П. Иваска «Доклад о творчестве И. А. Бунина», А. Седых «Воспоминания о Бунине», профессора Б. А. Константиновского «Великорусская народность как объединитель всех восточнославянских земель». 7 февраля 1971 г. Свято-Серафимовский фонд организовал специальный вечер, посвящённый присуждению А. И. Солженицыну Нобелевской премии. Вступительное слово на этом мероприятии произнёс Р. Б. Гуль, далее выступали профессор П. В. Плетнёв и протоиерей А. Киселёв [12]. А в октябре 1972 г. был проведён вечер, посвящённый 125-летней годовщине смерти А.С. Пушкина [18].

В 1960-1970-е гг. довольно заметным явлением культурной жизни «Русского мира» в США были и «литературные четверги», проводившиеся в Первом доме престарелых на Толстовской ферме. Рассказывая о таком «четверге» 18 февраля 1971 г., нью-йоркская газета «Россия» писала: «Публики собралось изрядное количество. Приехали гости и из г. Наяка, что свидетельствует об интересе к нашим четвергам и окружающей ферму публики». О том, как проходили подобные любительские мероприятия, свидетельствует программа вечера. Среди выступавших была В. А. Хегстром с юмористическим стихотворением «Письмо семинариста гимназистке и ответ на него». М. И. Мейендорф читала свои стихи «как всегда, со свойственным ей подъёмом». Любопытно и то, что на этом литературном «четверге» прозвучало и выступление Н. В. Скрыбиной, которая поделилась с аудиторией воспоминаниями о том, как в советской столовой в 1923 г. ей пришлось познакомиться впервые с живыми чекистами [17].

Особую роль играл, бесспорно, продолжавший активно действовать в 1970-е гг. в США Литературный фонд. Так, в декабре 1971 г. в Сан-Франциско состоялся очередной концерт Литературного фонда. Большую роль в его организации сыграла А.Н. Гижицкая, многие годы

работавшая для Литературного фонда в Сан-Франциско. В программе концерта были стихи Ольги Скопиченко, романсы в исполнении Галины Шамбо и Нины Измайловой. Весь доход от мероприятия пошёл на помощь «престарелым работникам искусства за рубежом» [2].

К началу 1980-х гг. во главе Литературного фонда в Нью-Йорке продолжал оставаться редактор «Нового русского слова» Андрей Седых. 23 февраля 1980 г., например, под его председательством состоялось очередное заседание правления Литературного Фонда, в котором приняли участие Нонна Белавина, Женни Грэй, доктор Е.И. Лодыженская, протоиерей Александр Киселёв, Марк Клионский, С.Л. Голлербах и Ричард Янин. Ряд больных членов правления прислали извинения. Председатель доложил о финансовом положении Литературного фонда и представил отчёт о лотерее и концерте, устроенном в Алис Талли Холл 6 февраля. Благодаря лотерее и концерту в кассу Фонда поступило чистыми около 8 тысяч долларов. Кроме того, поступило, согласно воле покойной Елены Торбечко, через Э. В. Гетман пожертвование в 550 долларов. Как сообщало «Новое русское слово», после продолжительного обмена мнениями правление выбрало должностных лиц на 1980 г. Председателем был избран Андрей Седых, 1-м вице-председателем – Р.И. Субботин, вице-председателями переизбраны Л.Д. Ржевский и В. И. Юрасов. Почётными секретарями являлись И.Л. Тартак и В.И. Коварская, секретарями Нонна Белавина и Ричард Янин, зав.сбором – Женни Грэй, казначеем – А.А. Осоргина. В состав Правления постановили кооптировать Агнию Ржевскую. За первые два месяца года 1980 г. правление израсходовало на помощь нуждающимся деятелям русской культуры 5500 долларов [4].

Нельзя не сказать, конечно, о том, что в 1970-е гг. с появлением эмигрантов «третьей волны» фактически начинается новый этап в истории литературы Русского зарубежья. Такие яркие произведения, как знаменитая эпопея А. Солженицына «Красное колесо», рассказы С. Довлатова, романы Э. Лимонова и других представителей этой волны вошли в историю культуры «Русского мира» в США. «Старые эмигранты» внимательно следили за творчеством тех, кто недавно приехал из Советского Союза, пытались понять, насколько оно развивается в русле традиций русской классической литературы. Иногда сравнение оказывалось весьма лестным для новых эмигрантов. Так, например, В.С. Франк весьма положительно отзывался об «Августе 1914» А.И. Солженицына, полагая, что, если философия Л.Н. Толстого в «Воине и мире» – это «философия безответственности» («лучше ничего не делать, как Кутузов»), то основной стержень этики А.И. Солженицына – «горделиво-скорбное чувство ответственности» (РГБ ОР. Ф. 754. Карт. 5. Ед.хр.1. Л. 8.).

Достаточно насыщенной была в те годы и театральная жизнь Русского зарубежья в США. В Нью-Йорке функционировал Театр Русской Драмы, который, например, в марте 1970 г. провёл большой юбилейный спектакль в ознаменование 50-летия сценической деятельности Л.Д. Авчинниковой. По этому случаю была поставлена комедия в четырёх действиях Алексея Толстого «Касатка». В спектакле участвовали Л. Авчинникова, с. Донат, М. Масленникова, Е. Юрченко, В. Апошанский, Л. Гареев, Г. Пахомов, В. Николаев, К. Ржевский, К. Хрустинский [10].

Существовали в США и творческие коллективы, пропагандировавшие русскую народную культуру. Так, например, в Нью-Йорке выступал с концертами балалаечный ансамбль Кутина [20]. Русская музыка звучала и на организованном в марте 1971 г. в Паттерсоне (Нью-Джерси) Большом Кавказском вечере. В его концертной программе были русская танцевальная группа, мужской русский ансамбль, «характерные русские и украинские танцы», популярный в те годы Оркестр Лёни Перце-

ва и др. [16].

Важным культурным центром «Русского мира» в США традиционно являлся Сан-Франциско. Здесь функционировали Театр Русской Оперетты, режиссёром которого была Зинаида Биттнер, Ансамбль Русской Песни (руководитель – Д.М. Авраменко), Балетная студия Татьяны Светлановой, Школа Балета Нины Марон-Чесменской [3]. Русские преподаватели музыки (И. Вовк, Л. Клешикова, Г. Ледин, А. Свиридова и др.) входили в состав отдела Калифорнийской Ассоциации учителей музыки, внося свой вклад в культурную жизнь Сан-Франциско [1].

В начале 1980-х гг. в Нью-Йорке – другом центре Русского зарубежья в США – также проводились разнообразные культурные мероприятия, организованные деятелями российской эмиграции. Неслучайно, в 1980 г. на страницах «Нового русского слова» появилось, например, объявление такого содержания: «Культурный центр творческой интеллигенции проводит **Весенний Бал**. Бал состоится 8 марта в 15.00 по адресу 45 Ист 33 стрит «Workmen`s Circle» (Гостей просим прийти в вечерних туалетах). Запись в члены Культурного центра проводится в пятницу, 29 февраля, с 2 до 6, в Субботу 1 марта с 10.00 до 13.00 по адресу: 147 Вест 42 стрит, 3-й этаж, комната 325, телефон в эти часы 221-3169. Адрес для почтовых отправок: Cultural Center for Russian Immigrants, 770 Lexington Avenue, New York, N.Y. 10021» [4].

Как и во Франции, в США также действовали русские молодёжные организации. Так, например, в 1974 г. в Америке был избран новый старший скаутмастер Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) – Павел Уртьев, как сообщала «Русская мысль», «молодой и энергичный начальник Главной Квартиры ОРЮР, бывший последние годы также и заместителем старшего скаут-мастера» [23]. Одновременно был выбран и новый состав Главного суда чести: скаутмастер О. Астромова, скаутмастер А. Жуковский, скаутмастер С. Мартинович и запасными членами скаутмастер Е. Бобров и скаутмастер И. Тимохович. Старший скаутмастер П. Уртьев возглавил ОРЮР после ухода по состоянию здоровья Р. Жукова, занимавшего эту должность в течение 9 лет.

Как свидетельствовала эмигрантская пресса, молодёжные организации русской эмиграции стремились сохранять русские обычаи, отмечая праздники в соответствии со старыми традициями. Так, в феврале 1974 г. сообщалось, что «по примеру прошлых лет, 12 человек из Сиклифского отдела ОРЮР под руководством своего начальника скаутмастера Н. Иванова ходили со звездой и пели колядки русским людям. Собранные 127 долларов были пожертвованы в пользу Русской православной миссии в Иерусалиме» [23].

Функционировали в США и структуры Национальной организации русских разведчиков (НОРР). 12 февраля 1971 г., например, НОРР устраивала в Нью-Йорке костюмированные вечера с участием оркестра Н.Н. Романенко. Весь доход от вечеров поступал в пользу летних лагерей русских разведчиков [14].

В конце 1960-х гг. в США возникло общество «Отрада», проводившее свои мероприятия в Наяке (штат Нью-Йорк). Целью Общества, как отмечала нью-йоркская газета «Россия», было «сохранение и распространение русской православной культуры в нашей подрастающей молодёжи». Для этого члены Общества стремились создать Центр, в котором молодёжь могла бы встречаться, создавать кружки (религиозно-философские, литературные, театральные, спортивные и т.д.) и находить себе спутников жизни среди близких по духу людей. В начале 1970-х гг. началось создание «обширного», вместительного Центра, весь доход от деятельности которого должен был идти на благотворительные цели (поддержка православных церквей, русских приходских школ, лагерей и т.д.) [13].

Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что в реальности процессы ассимиляции русской зарубежной молодёжи всё-таки происходили. В начале 1980-х гг. русскоязычная пресса США уделяла этим процессам значительное внимание. Пожалуй, особенно активно об этом писала «Русская жизнь» – орган Русского центра в Сан-Франциско, преимущественно выражавший взгляды традиционалистски настроенных эмигрантов. На его страницах подчёркивалось: «Происходит ассимиляция русской молодёжи повсюду, но в особенности здесь в Соединённых Штатах... Самое печальное – это отсутствие гордости принадлежать к русскому народу, с его культурой, веками освящённым бытом, привязанностью к Православной Церкви». Публицисты «Русской жизни» указывали на то, что многие молодые эмигранты меняли фамилии, чтобы «как-то походить на американцев»: «Надо иметь в виду американцев, уроженцев Италии, Ирландии, Чехии, которые сохранили свои итальянские, чешские и другие фамилии, и не подумали, чтобы их изменить. Комичнее всего, когда русские меняют свои фамилии, «похожие» на американские, а сами даже читать не умеют по-английски» [21]. На страницах газеты Русского Центра в Сан-Франциско подчёркивалось, что многие проблемы связаны с тем, что русским детям в семье зачастую не прививается любовь к Родине: «Если ребёнок не получает дома воспитания в русском национальном духе, иногда даже почти не слыша русской речи – когда брак смешанный, не имея в этом случае даже элементарного понятия о родине своего отца или матери... ребёнок быстро превращается в иностранца» [22]. В качестве выхода из положения «Русская жизнь» как раз и предлагала эмигрантам направлять своих детей в Организацию российских юных разведчиков.

Весьма противоречивы были первые результаты интеграции в американское общество советских эмигрантов «третьей волны». Данные об этом содержатся, например, в отчёте М. Поповского об итогах проведённого им в конце 1980-х гг. социологического опроса. М. Поповский отмечал, что 60 % опрошенных им эмигрантов читали американские книги, 71 % – американские газеты, 87 % смотрели американские фильмы. Однако только 40 % опрошенных «хорошо чувствовали себя в обществе американцев». Говоря о процессах ассимиляции, можно привести ещё одну цифру: «Лишь 30 % детей школьного возраста «сколько-нибудь прилично» говорили, читали и писали по-русски [9].

Таким образом, внутри российской диаспоры в США в 1960-1980-е гг. происходили весьма противоречивые социокультурные процессы. «Третья волна» серьёзно изменила состав диаспоры, вынесла на улицы Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и других американских городов десятки тысяч новых эмигрантов, психология которых зачастую сильно отличалась от деятелей первой послереволюционной волны российской эмиграции.

Литература

1. Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 10 декабря.
2. Новая заря. 1971. 11 декабря.
3. Новая заря . 1971. 25 декабря.
4. Новое русское слово (Нью-Йорк). 1980. 27 февраля.

5. Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. Кн.83. с. 47.
6. Новый журнал. 1966. Кн.83. с. 65.
7. Новый журнал. 1966. Кн.85. с. 35-36.
8. Новый журнал. 1967. Кн.89. с. 65-66.
9. Огонёк. 1991. № 45. с. 27.
10. Россия. (Нью-Йорк). 1970. 13 февраля.
11. Россия. 1970. 18 февраля.
12. Россия. 1971. 15 января, 29 января.
13. Россия. 1971. 27 января.
14. Россия. 1971. 29 января.
15. Россия. 1971. 19 февраля.
16. Россия. 1971. 26 февраля.
17. Россия. 1971. 3 марта.
18. Россия. 1972. 6 октября.
19. Россия. 1972. 11 октября.
20. Россия. 1972. 13 октября.
21. Русская жизнь (Сан-Франциско). 1983. 2 сентября.
22. Русская жизнь. 1983. 22 сентября.
23. Русская мысль (Париж). 1974. 14 февраля.